
ПОЭТИКА И СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82-1/-9

DOI: 10.31249/lit/2024.02.04

СТАФ И.К.¹ МЕТАМОРФОЗЫ АПОФТЕГМЫ В *BIGARRURES*
ЭТЬЕНА ТАБУРО: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА©

Аннотация. В статье рассматривается трансформации жанра апофтегмы в сборнике Этьена Табура *Bigarrures* (1585). В отличие от гуманистической фацеции, комизм короткого изречения у Табура строится не на остроумии, но на абсурде, нарушении логических связей. Опираясь на традицию, заложенную «Апофтегмами» Эразма, и их рецепцию во французской культуре XVI в., писатель высмеивает книжную ученость и одновременно пародирует в духе Рабле «естественную» национальную риторику, которая нашла воплощение и обоснование в «Опытах» Монтеня.

Ключевые слова: Франция; Ренессанс; апофтегма; *bigarrure*; короткое повествование; сборник.

Для цитирования: Стаф И.К. Метаморфозы апофтегмы в *Bigarrures* Этьена Табура : к проблеме жанра // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 2. – С. 58–74. – DOI: 10.31249/lit/2024.02.04

STAF I.K.² Metamorphosis of the apothegm in Étienne Tabourot's *Bigarrures*: to the problem of genre©

---

¹ **Стаф Ирина Карловна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН; irina.staf@gmail.com ; ORCID: 0000-0003-3975-6617

© Стаф И.К., 2024

² **Staf Irina Karlovna** – Candidate in Philology, Senior Research Fellow, Institute for World Literature RAS; irina.staf@gmail.com ; ORCID: 0000-0003-3975-6617

© Staf I.K., 2024

*Метаморфозы апофтегмы в Bigarrures Этьена Табуро:
к проблеме жанра*

Abstract. The article deals with the transformation of the apothegm genre in Etienne Tabourot's *Bigarrures* (1585). In contrast to the humanist facetia, the comic effect of Tabourot's short sayings is based not on wit, but on absurdity and violation of logical connections. Relying on the tradition established by Erasmus's *Apothegms* and their reception in sixteenth-century French culture, the writer mocks bookish scholarship and at the same time parodies, in the spirit of Rabelais, the "natural" national rhetoric, which was embodied and substantiated in Montaigne's *Essais*.

Keywords: France; Renaissance; apothegm; bigarrure; short narrative; compilation.

To cite this article: Staf, Irina K. "Metamorphosis of the apothegm in Étienne Tabourot's *Bigarrures*: to the problem of genre", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 2, 2024, pp. 58–74. DOI: 10.31249/lit/2024.02.04 (In Russian)

Два тома сочинения под труднопереводимым названием *Bigarrures*¹, выпущенных в 1583 и 1585 гг. бургундским юристом и поэтом, уроженцем Дижона Этьеном Табуро (1547–1590; псевдонимы: сеньор Дез Аккор, Андре Паске и др.), появились в период расцвета так называемых пестрых рассказов и речей (*contes et discours bigarrés*). В истории французской литературы этим термином обычно обозначаются произведения некоторых писателей второй половины XVI в. – Ноэля дю Фая, Бениня Пуассено, Николая де Шольера и Гийома Буше: намеренно «бесформенные» сборники-смеси, которые вобрали в себя едва ли не все короткие жанры и формы эпохи, «беспорядочно смешивая фацеции, забавные анекдоты, обрывки беседы, а также многочисленные пословицы и поучительные сентенции» [Kiès, 2014, p. 109]. Книга Табуро, бесспорно, принадлежит к той же традиции, однако стоит несколько особняком. В самом общем виде можно сказать, что Табуро создает своего рода пародийный трактат по «новой риторике», который, по словам автора, подобен «турецкому ковру» и изготовлен «точно

---

¹ Название это можно перевести как «Пестрая смесь» или «Чересполосица». Краткая, но весьма содержательная сводка современных трактовок понятия *bigarrure* содержится в статье Ж. Полици [Polizzi, 2011]; см. также: [Goyet, 1984; Delègue, 1994; Mounier, 2011]. О связи этого понятия с эмблематикой и о первой книге сборника Табуро см.: [Стаф, 2022].

сосчитанными стежками, в порядке без порядка, а не из заплат, словно это платье из пятисот лоскутов»¹ [цит. по: Tabourot, 1986, р. 10–11]. Эту особенность сформулировал еще в середине XVII в. Гийом Кольте в «Жизнеописаниях французских поэтов»: «...развлекаясь чтением сей приятной книги, можно познать почти все наше поэтическое искусство и даже лучшие части риторики»² [цит. по: Tabourot, 1866, р. 9].

Небольшое собрание изречений, озаглавленное «Апофтегмы сеньора Голара», входит во вторую книгу сборника Табуро, которая содержит пять писем-эссе, адресованных пяти историческим лицам. Идеей «порядка без порядка» объясняется и тот факт, что эта вторая книга именуется четвертой. В обращении к читателю автор пишет:

Не стоит удивляться, коли зову я эту вторую книгу *Bigarrures* четвертой: ибо не был бы сей том вполне пестрым, ежели бы следовал обычаю дюжинных писателей³ [Tabourot, 1585, Au lecteur].

В оправдание своего права располагать части труда по собственной прихоти он ссылается на «Экзотерические упражнения» Скалигера⁴, которые тот якобы начал сразу с пятнадцатого тома. Отсылка эта, разумеется, пародийна: она опирается исключительно на заглавие сочинения Скалигера, которое направлено против 15-й книги энциклопедического трактата «О тонкости сущностей» Джироламо Кардано; однако двусмысленность заглавия дает Табуро повод к «экивоку», связывающему вторую книгу *Bigarrures* с первой, которая как раз и посвящена экивокам, а также ребусам, анаграммам, акростихам, амфиболиям, паронимам и т.д.

---

¹ «...les *Bigarrures* ressemblent au tapis Turquois, qui se font à points contez, et avec un ordre, sans ordre: mais non pas si rapetasse, que ce soit une robbe de cinq cents pieces».

² «Je puis dire que l'on peut apprendre presque tout nostre art poëtique et les plus belles parties de la rhétorique mesme en se divertissant à la lecture de ce livre agréable».

³ «Il ne se faut pas estonner si j'apelle ce second livre, le quatrième des *Bigarrures*: car ce volume entier ne seroit pas bien bigarré, s'il suivoit la façon des ordinaires ecrivains».

⁴ *Julii Caesaris Scaligeri Exotericarum exercitationum liber quintus decimus, de subtilitate, ad Hieronymum Cardanum. – Lutetiae: apud F. Morellum, 1557.*

*Метаморфозы апофтегмы в Bigarrures Этьена Табуро:
к проблеме жанра*

«Апофтегмы сеньора Голара» в первом издании второй / четвертой книги включают в себя 127 сентенций некоего мелкого дворянина из Франш-Конте, предельно невежественного и глупого, самовлюбленного, но компанейского, большого весельчака и любителя славной выпивки:

Он не пропускает ни одной процессии, какими просят Бога о сохранении лозы, и никогда не молится за сено, потому как его не ест: пусть о том заботятся его лошади, коли желают¹ [Tabourot, 1585, f. 82r^o].

К раблезианской традиции отсылает и само его имя (ср. наречение именем Гаргантюа): «Что до имени, то, во-первых, обычное это имя в сей провинции, под каковым разумеют славного малого, у коего только и заботы, что пировать, то есть только о своей глотке, ибо глотка у него вечно горит, и надобно ему часто ее освежать» [цит. по: Tabourot, 1599, f. 130v^o]².

Не обученный в детстве латыни, он усвоил из нее лишь один девиз, велел написать его золотыми буквами на своем гербовом щите: «*Bene vivere et laetari*», то есть «Хорошо жить и веселиться». Однако, добавляет Табуро, «кое-кто, не умея различать старинные заглавные буквы V от букв B, читает его *Bene bibere et laetari*»³ [Tabourot, 1585, f. 80r^o]. Игра слов – «хорошо жить / пить и веселиться» – содержит сразу две аллюзии. Во-первых, сам девиз почерпнут из «Первой новеллы в форме преамбулы», которой открываются «Новые забавы и веселые разговоры» Бонавантюра Деперье, то есть отсылает к новеллистической традиции. В тексте Табуро «апофтегмы» часто именуются «рассказами» (contes): во второй половине столетия это понятие практически вытеснило во Франции слово *nouvelle*, а в издании Ж. Рише 1603 г. уже сами

---

¹ «Il ne fault jamais à toutes les processions qu'on fait pour la conservation des raisins, et ne prie point Dieu pour les foins, parce qu'il n'en mange point: que ses chevaux en ayent soucy, s'ils veulent».

² «Quant au nom, premierement c'est nom vulgaire en ceste Province, par lequel on entend un bon compagnon, qui n'a gueres autre soucy que de faire bonne chere : Ainsi dit, de la gueule seulement, ou parce que la gueule luy ard sans cesse, et a besoin de la rafraichir souvent ». О «раблезианстве» Табуро см., в частности: [De Grève, 1990].

³ «Combien que quelques uns ne sçachans discerner les anciens VV, en forme de Cadeaux, d'avec des BB. lisent, *Bene bibere & laetari*».

«Апофтегмы сеньора Голара», отделенные от остальной книги особым титульным листом, именуются «Забавными рассказами» [Tabourot, 1603]. Во-вторых, «старинные заглавные буквы V», которые можно прочесть как «В» – это так называемые подарочные буквы (*lettres à cadeaux*), образцы начертания которых приводит гуманист-печатник Жоффруа Тори в трактате «Цветущий луг» (1529) [Tory, 1973, f. LXXIII], смеховые отсылки к которому есть в первой книге *Bigarrures*: буквы V и В, выполненные на базе готического шрифта, различаются лишь одним штрихом. Насмешки над Тори вызвали упреки в адрес Табуро со стороны Этьена Пакье: в длинном письме, адресованном создателю *Bigarrures* после выхода первой книги [Pasquier, 1586, f. 245r^o-253r^o], историограф настоятельно советует ему брать «Цветущий луг» за образец.

Однако Табуро продолжает высмеивать трактат гуманиста (а вместе с ним и Пакье), помещая созданные им литеры на щит невежды Голара и обосновывая их начертанием каламбур. Гуманистическое книжное знание постоянно подвергается в *Bigarrures* и, в частности, в «Апофтегмах» комическому переосмыслению. Сеньор Голар, рассуждающий «обо всех науках и обо всем на свете»¹ [Tabourot, 1585, f. 82v^o], – владелец «прекрасной Французской Библиотеки» (следует напомнить, что знаменитая «Библиотека» Антуана Дювердые вышла в том же 1585 году, что и вторая / четвертая книга *Bigarrures*), но заглядывает в нее редко, дабы не подорвать здоровье; зато «весьма над нею трясется, ибо имеет средство стать ученым, когда угодно ему будет на две или три четверти часа заглянуть в свои книги, и опасается, как бы кто не украл у него ученость»² [Tabourot, 1585, f. 82 r°].

На первый взгляд, сеньор Голар, чьи гротескные речения предваряются не менее гротескным портретом, – типичный смеховой персонаж, или, как пишет Ж. Полицци, герой «мира навыворот» [Polizzi, 2000, p. 187]. Казалось бы, это подтверждается и в обращении автора к читателю:

---

¹ «Il parle de toutes sciences et de toutes affaires du monde...»

² «...une belle Bibliothéque Françoisse qu'il a, dont il est neantmoins fort avaricieux, parce qu'il a moyen d'estre sçavant, quand il voudra seulement regarder deux ou trois quarts d'heure en ses livres : & craindroit qu'un autre luy desrobast sa science».

*Метаморфозы апофтегмы в Bigarrures Этьена Табуро:
к проблеме жанра*

А прочим, кто для смеха и зубоскальства купил лишь первую книгу, не загадывая дальше, придется купить также и эту: прельстит их то дурачество, что примешал я к ней, каковы Апофтегмы, иначе глупые речи, либо, вернее, абсурдные суждения г-на Голара... И тем самым поступлю я, как вдова кастильца, что не хотела продать свою лошадь без кота¹ [Tabourot, 1585, Au Lecteur].

Апофтегмами именуются у Табуро «глупые речи и абсурдные суждения». К какой традиции отсылает этот пародийный пассаж?

Б. Боуэн в статье, посвященной речениям сеньора Голара, пишет о популярности во Франции второй половины XVI в. итальянских сборников фаций и «*motti* в широком смысле слова – не только острот-для-смеха знаменитых людей, но и их моральных максим и мудрых размышлений о жизни и смерти» [Bowen, 2004, p. 102] и выдвигает гипотезу, что книгу Табуро следует считать «первым французским аутентичным сборником фаций» [Bowen, 2004, p. 107]. В том же ключе рассматривает «Апофтегмы» и Н. Киес [Kiès, 2011]. Исследователи опираются в своих выводах прежде всего на дополненное издание четвертой книги *Bigarrures* 1588 г., где в предисловии к «Апофтегмам сеньора Голара» указано, что они почерпнуты не только с плодовых земель Франш-Конте: многие из них заимствованы у Лодовико Доменики, Поджо Браччолини, Антонфранческо Дони, Генриха Бебеля и других авторов фаций. Действительно, «Апофтегмы», расширенные за счет гуманистических сборников забавных историй, могут включаться в традицию итальянской (и «итальянизирующей») фации. Справедливо и замечание Б. Боуэн о «растворении» в XVI в. жанра фации в массиве разнообразных сентенций, острот, апофтегм и прочих «достопамятных речений». Однако, на наш взгляд, трудно согласиться с той оценкой, какую она дает изначальному замыслу дижонского писателя: «Сначала Табуро хотел представить Голара антиподом государей, хорошо известных читателям сборников *facetiae*, и одновременно высмеять провинциальных дворянчиков,

---

¹ «Et les aultres qui n'ont achepté que le premier livre pour gausser et rire, sans considerer plus avant, seront contraints de achepter aussi cestuy cy, allechez par ce que j'y ay entremeslé de follastre: comme sont les Apophtegmes, autrement propos niais, ou plutost considerations absurdes, de Monsieur Gaillard... Et par ainsi je feray comme la veufve du Castillan, qui ne vouloit vendre son Cheval, sans son chat».

принимающих себя за истинную знать» [Bowen, 2004, p. 107]. В первом издании книги дело обстоит совсем иначе.

Первое, наиболее очевидное отличие апофтегм Табуро от фацевий заключается в природе смеха, который автор стремится вызвать у читателя. *Facetudo*, качество, присущее персонажам Поджо или Бебеля (или заглавному герою «Фацевий сельского священника Арлотто», с которым иногда сравнивают Голара), и «канонизированное» в трактате Кастильоне «Придворный» как один из элементов *grazia*, предполагает мудрое остроумие в беседе. Фацевия часто и охотно высмеивает глупцов, но никогда не делает их субъектом высказывания. Речения же дворянина из Франш-Конте «достопамятны» не мудростью, но вызывающей нелепостью. Для него нет разницы между картой и местностью – утверждение, что Англия находится за морем, кажется ему абсурдом, ведь на бумаге он видит лишь полоску воды, через которую несложно построить мост [Tabourot, 1585, f. 102 v°–103 r°]; между чертежом и реальным зданием – бранит рисовальщика, сказавшего, что позади дома находится фонтан, ибо не находит фонтана на обороте рисунка [Tabourot, 1585, f. 95v^o]; наконец, между живописным изображением и живым человеком, в том числе собой: увидев портрет своего знакомого, который все хвалят за сходство, он в недоумении говорит «модели», что сам изображенный похож на себя гораздо больше [Tabourot, 1585, f. 100v^o]; просит художника пририсовать его в уголке понравившейся картины с гуляющей парой, чтобы послушать, о чем говорят эти прекрасные люди [Tabourot, 1585, f. 97r^o]. На замечание дворецкого, что ему надо поторопиться, он велит перевести часы назад – тогда времени будет достаточно [Tabourot, 1585, f. 92v^o]. Заболев и опасаясь не дожить до разрешения затеянной тяжбы, он вносит в завещание просьбу огласить ему приговор в мире ином [Tabourot, 1585, f. 110v^o], а узнав про похороны знакомого, желает, чтобы Господь даровал тому долгую счастливую жизнь [Tabourot, 1585, f. 96r^o].

Кроме того, заслуживает внимания место, которое занимают апофтегмы сеньора Голара во второй / четвертой книге *Bigarrures*. Письмо, содержащее их, адресовано Гийому Николя, сеньору де Пепенкуру, и в нем Табуро прямо ссылается на свой образец:

Ограничусь я покуда теми [апофтегмами], какие собрал у доброго сеньора Голара... в уверенности, что когда увидит он их, увенчан-

*Метаморфозы апофтегмы в Vigarrures Этьена Табура:
к проблеме жанра*

ных именем вашим, будет весьма благодарен нам обоим. И что даст это повод прислать нам те, что мы позабыли, а еще кому-то – добавить к ним иные, его или кого другого, на манер Ликосфена, каковой переложил в общие места [апофтегмы] Эразма, добавив к ним две трети¹ [Tabourot, 1585, f. 117v^o–118 r°].

Автор предлагает читателям дополнить его труд «на манер Ликосфена». Иначе говоря, собрание апофтегм Голара уподобляется *Apothegmatum orus*, последнему – и самому малоизученному – сочинению Эразма: собранию из 3000 достопамятных высказываний, извлеченных из греческих авторов, прежде всего Плутарха и Диогена Лаэртского. Окончательное их издание вышло в 1535 г. в Базеле² и на протяжении следующего полувека переиздавалось в Европе около 70 раз. Немецкий энциклопедист Конрад Вольфарт, или Конрад Ликосфен, в 1555 г. дополнил «Апофтегмы» и превратил их в сборник *loci communes*, выстроив в алфавитном порядке и распределив по тематическим рубрикам³. Не затрагивая здесь античных корней традиции *apophthegmata* (см. об этом, в частности [Frazier, 2014]), отметим, что, согласно определению Эразма, это «достопамятные речения» (*egregie dicta*), а Конрад Ликосфен в заглавии своего труда называет их «достопамятными ответами» (*responsorum memorabilium*).

Анри Этьенн в «Словаре греческого языка» (1572) определяет ἀποφθεύμα как «речение короткое и поучительное», обращая внимание на его устный характер, и добавляет, со ссылкой на Эразма:

---

¹ «Parquoy je me contenteray pour ceste heure, d'avoir amassé ceux cy du bon Seigneur Gaulard... M'assurant que quand il les verra autorisez de vostre nom, il nous en scaura aussi bon gré à l'un qu'à l'autre. Et que ce sera donner occasion de nous envoyer ce que nous avons oublié, et à quelcun d'en y entasser d'avantage, soit de luy ou d'autre: et de faire comme Lycosthenes, qui a mis par lieux communs ceux d'Erasmus, avec adjonction des deux tiers».

² Desiderii Erasmi... *Apothegmatum libri octo, cum primis frugiferi, denuo vigilanter ab ipso recogniti autore, non sine lucro novae accessionis.* – Basileae, in officina Frobeniana, 1535.

³ *Conradi Lycosthenis Apophthegmatum sive Responsorum memorabilium: ex probatissimis quibusque tam Graecis quam Latinis autoribus priscis pariter atque recentioribus, collectorum loci communes ad ordinem alphabeticum redacti.* Basileae, per Ioannem Oporinum, 1555. О труде Ликосфена см., в частности [Valverde Abril, 2018].

...острые, краткие и изобретательные речения, и не кого-нибудь, но ораторов, полководцев, легатов, императоров, то есть знаменитых людей. Но, что до меня, я не вижу, отчего нужно делать их достойным непременно людей знаменитых¹ [Estienne, 1572, sine pag.]

Последняя фраза примечательна: она отражает, помимо воззрений самого Этьенна, дух эпохи. Во французской словесности на народном языке ко второй половине XVI в. не только существовали переводы «Апофтегм» и их национальные аналоги (сборники Жюля Коррозе, Шарля Фонтена, Габриеля Мёрье), но и начался процесс их активной «апроприации» и обработки.

«Изречения царей и полководцев» Плутарха первым – еще до Эразма и тем более до знаменитого перевода Жака Амио², – перевел во Франции Гийом Бюде: его трактат, поднесенный Франциску I в 1519 г. и известный под названием «О наставлении государя» (*De l'institution du prince*), строится преимущественно из комментированных «Изречений...» [Delaruelle, 1970, p. 199–220; La Garanderie, 1988; Basset, Bénévent, 2014]. Само слово «апофтегма» ввел во французский язык все тот же Жоффруа Тори – в описании построения буквы Q, которое в первой книге Табуро подверглось наибольшему комическому снижению.

Первые пять книг «Апофтегм» Эразма впервые были переведены на национальный язык именно во Франции: секретарь и камердинер Франциска I Антуан Мако датирует свое посвящение государю июлем 1537 г. (книга была напечатана в 1539 г., т.е. за тридцать с лишним лет до выхода «Моралий» Амио). «Апофтегмы» были переложены стихами: в 1551 г. Гийомом Оденом и в 1574-м Габриелем По. Как верно отмечает Л. Лобб, подготовивший критическое издание текста Эразма и обоих переводчиков-стихотворцев [Lobbes, 2013], их задачей было создать на основе

---

¹ «...Dictum sententiose et breve... Sententia breviter ac scite dicta, scite dictum. Et additur ex Erasmo ἀποφθέγματα esse Dicta quaedam acuta et brevia ac scite dicta, non cujuslibet quidem, sed oratorum, ducum, legatorum, imperatorum, illustrium denique virorum. Sed ego non video cur illustribus viris peculiariter esse putanda sint».

² Les Oeuvres morales & meslees de Plutarque, Translatees du grec en François par Messire Jacques Amyot, à present Evesque d'Auxerre, Conseiller du Roy en son privé Conseil, & grand Aumosnier de France. – A Paris, De l'imprimerie de Michel de Vascosan. M. D. LXXII (1572).

*Метаморфозы апофтегмы в Bigarrures Этьена Табуро:
к проблеме жанра*

латинского сборника произведение на народном языке, способное доставить читателю удовольствие [Lobbes, 2005, p. 85]. Г. По прямо пишет об этом в прологе: он выбирает «наиболее значительные речения» и придает им форму катренов, «дабы народным языком облегчить их понимание, а изяществом стиха увеличить от них удовольствие»¹. Его сборник адресован Карлу-Эммануилу Савойскому, князю Пьемонта, которому на момент посвящения было 12 лет, – в этом переводчик точно следует за Эразмом, для которого «Апофтегмы», образцы морали, имели в первую очередь педагогическое значение [Basset, 2014, p. 9–10]: громадный массив греческих «речений» предназначался для 15-летнего Вильгельма, будущего пятого герцога Клевского. Однако создатели французских переложений – как Мако, так и По, – в отличие от Эразма, подчеркнуто не ставят своей целью учить, «воспитывать» властительного адресата. Мако в посвящении королю оговаривает, что Франциску Плутарх давно известен; более того, секретарь слышит из королевских уст «всякий день изрядное число [апофтегм], равных и лучших, нежели в сем переводе, сказанных к месту и неожиданно»² [Les Apophthegmes, 1539, À la Treshaulte... majesté du Roy]. Перевод призван не добавить мудрости государю, но служить его же своеобразной ипостасью, «зерцалом». Тот же мотив подхватывает и По, хоть и обращается к юному адресату: он пишет, что молва называет князя Пьемонтского великим почитателем всех искусств и наук, и подносит ему «подобие зеркала, глядясь в которое и видя красоту вашего ума, обретете вы толику довольства, что столь продвинулись на пути добродетели»³ [Les deux premiers livres des Apophthegmes, 1574, p. 5]. При этом перевод По, как явствует из его подзаголовка, предназначен не только юному властителю; он призван служить во благо и к пользе всех

---

¹ «...J'ay retiré d'iceux les plus notables sentences pour les mettre en vers François, a fin d'en faciliter l'intelligence par le langage vulguaire, et en augmenter le plaisir par la grace du vers» [Les deux premiers livres des Apophthegmes ... , 1574, p. 3].

² «...[Je] voye et oye par chascun jour ung bon nombre des vostres esgaulx aux meilleurs et meilleurs que les bons de la presente traduction, faitz a propos et soudainement...»

³ «...comme un mirouër auquel vous regardant et voyant la beauté de vostre esprit recevies quelque contentement de vous veoir si avancé au chemin de vertu.»

любителей добродетели и мудрости. Той же идеей – облегчить всем читателям доступ к гуманистической учености – проникнуты и сборники «пестрых речей и рассказов» последней четверти XVI в.

Окончательному утверждению апофтегм Плутарха в качестве образца не только ученого остроумия, но и литературного стиля, послужили, разумеется, «Моралии» Амио. Принцип *смеси*, «мозаики», фрагментарности, получив опору в «благородстве и безупречности письма» Амио, как писал о нем создатель «Французской библиотеки» Антуан Дювердьё [La Bibliotheque d'Antoine du Verdier, 1585, p. 588], стал мощным толчком к выработке новых литературных форм – прежде всего эссеистической. Спустя шесть лет после апофтегм-катренов Габриеля По, в 1580 г., выйдут в свет первые две книги «Опытов» Монтеня.

И здесь мы возвращаемся ко второй / четвертой книге *Bigarrures*. Если в первой какие-либо переключки с «Опытами» отсутствуют, то вторая, напротив, открыто ориентирована на них. По меньшей мере две из пяти глав, из которых состоит сборник Табуро, представляют собой пастиш, или, согласно термину, принятому у французских историков литературы, «контр-текст» двух эссе Монтеня. Глава первая, «Несколько замечаний, полезных в воспитании детей» (*Quelques traits utiles pour l'institution des enfans*), отсылает к «О воспитании детей» (I, 26), вторая, «О перемене имени» (*Du changement de surnom*), – к «Об именах» (I, 46).

Излагая свои идеи относительно успешного обучения грамоте и наукам, Табуро специально упоминает «господина де Монтаня»:

...Не стану здесь повторять то, чему учит на своем примере сьер де Монтань в изящных «Опытах», как вскормили его и легко наставили в языке латинском, ибо отец его следил, чтобы в раннем детстве разговаривал он и общался только с теми, кто говорит с ним не иначе как на латыни. Но полагаю я, что это способ для богатых господ; да и удивительно мне, как можно в том преуспеть, ибо сложно помешать видеться с матерью, с какой родственницей, с прислугой и соседскими детьми, чьи простодушные речи затрудняют исполнение сего замысла¹ [Tabourot, 1585, f. 5v^o].

---

¹ «...je ne repeteray pas icy ce que le sieur de Montagnes en ses gentils Essais a enseigné à son propre exemple, comme il fut nourry avec facile instruction de la langue

*Метаморфозы апофтегмы в Bigarrures Этьена Табуро:
к проблеме жанра*

Метод обучения, описанный Монтенем, представляется дижонскому писателю не только доступным лишь для знати, но и неестественным. Отметим еще один момент. В той же главе Табуро подробно останавливается на роли *loci communes* в усвоении наук и даже приводит алфавитный список рубрик-понятий, с помощью которого ученик может создать собственное собрание общих мест, а затем, пополняя и расширяя его, использовать при составлении речей и даже целых книг на любые темы [Tabourot, 1585, f. 10 r°]. Цель его педагогики – сделать процесс учебы как можно более легким и приятным; но ученик должен составить это «пособие» сам, а не воспользовался готовой премудростью: уже в прологе к первой книге Табуро, сетуя на современный избыток книг и его пагубное влияние на умы, особо негодует на «сборники, где вся снедь уже разжевана, и остается только ее проглотить, когда нужно»¹ [Les Bigarrures du Seigneur des Accordz, 1583, Andre Pasquet au lecteur. S(alut)]. Его собственная книга, в отличие от подобных сборников, способна принести молодым читателям пользу, так сказать, от противного:

И осмелюсь сказать, никому не в обиду (кроме разве лицемеров), что, напротив, послужит это молодежи предупреждением не слишком забавляться сими диковинными разысканиями, ибо найдет она их здесь уже готовыми и в таком количестве, что избыток это породит в них отвращение, дав случай сунуть нос в добрые книги и прочесть вещи, из коих смогут они извлечь какой плод² [Ibid.].

Latine, pour avoir esté son pere curieux de ne le faire parler ny hanter pendant sa basse jeunesse, sinon avec personnes qui ne parloyent avec luy autre langage que le Latin. Mais je treuve que c'est une recepte de grands Seigneurs : encor m'estonnay-je comme on en peut venir à bout, pour la difficulté d'empescher la veuë d'une mere, d'une parente, des serviteurs domestiques, et des enfans voisins, les paroles nayfves desquels sont pour empescher l'exécution de tel desseing».

¹ «...des recueils... où sont les viandes toutes maschees prestes à avaller quand ils en ont affaire».

² «Et oseray bien dire que tant s'en faut que cela offense personne (horsmis les hypocrites) qu'au contraire cela servira à la jeunesse d'avertissement de ne se pas tant amuser à ses recherches curieuses, puisque elle les verra icy toutes apprestees, et en telle quantité que l'abondance leur engendrera un desgoust qui les occasionnera de mettre le nez aux bons livres et lire choses dont ils pourront retirer du fruit».

Вторая / четвертая книга строится не только на материале, но и в соответствии с риторическими принципами автора «Опытов», который, ссылаясь на Сократа, полагал ораторское искусство «искусством льстить и обманывать»¹ и противопоставлял ему «бесхитростную, простую речь, такую же на бумаге, как на устах», пеструю ткань без «швов и узелков», не скованную правилами *dispositio*. Недаром в обращении к читателю, открывающем дополненное издание *Bigarrures* 1588 г., Табуро уподобляет свое сочинение турецкому ковру и, переиначивая фразу из упомянутого выше письма Пакье, утверждает, что в нем царит «порядок без порядка». Свободная от условностей, естественная – как и у Монтеня – риторика отвечает самой природе французского ума, «исполненного такой живости и разнообразия, что лишь насильно связывают его с одной какой-то наукой»² [Tabourot, 1585, Au lecteur].

Однако к первым четырем образцам своей «естественной риторики» Табуро добавляет пятый – «Апофтегмы сеньора Голара». На первый взгляд, это дополнение не вписывается в общий замысел сборника: Г.-А. Перуз в предисловии к критическому изданию «Апофтегм» даже предполагает, что этот «сорокастраничный набросок» – первые листы незавершенного сочинения, которые были опубликованы «для объема» [Tabourot, 2004, p. 161]. Нам не известно ни одной работы, где бы «Апофтегмы Голара» анализировались в контексте второй книги и поэтики *Bigarrures* в целом: историки всегда изучают их как самостоятельное произведение, словно восприняв буквально фразу из пролога Табуро о вдове кастильца, продающей лошадь вместе с котом.

Между тем «Апофтегмы» начинают отделяться от остального текста книги только в (посмертном) издании 1599 г., а в самостоятельное произведение превращаются в издании 1603 г., вышедшем через 13 лет после смерти автора. Вряд ли можно сомневаться, что это не авторское, а издательское решение. Во всех прижизненных изданиях они – неотъемлемая часть второй / четвертой книги и представлены так же, как остальные четыре

---

¹ В главе «О суетности слов» [Монтень, 1954, с. 271]. Об отказе Монтеня от классической риторики см., в частности: [Tournon, 1983; Montaigne et la rhétorique, 1995; Mathieu-Castellani, 2000].

² «...L'on sçait assez que l'esprit du François est plein de telle vivacité & variété, que c'est malgré luy si l'on l'attache à une science seule».

*Метаморфозы апофтегмы в Bigarrures Этьена Табуро:
к проблеме жанра*

части: это письмо (связь «Опытов» и эпистолярной традиции – особая большая тема; отметим лишь, что Табуро создает пастиш не только «Опытов», но и сборника «Писем» Этьена Пакье), адресат которого, судя по тексту, слышал о сеньоре Голаре и может помочь автору добавить к собранным сентенциям новые или, наоборот, указать на те, что приписаны невежде из Франш-Конте по ошибке.

Как же связана эта странная часть с остальными? Вспомним главу о воспитании детей и идею о «простодушных» (*naïfs*) речах матери, родни и соседских детей, которые мешают изучению латыни. Голар латыни не учен: он тот самый «простодушный», «образец *естественной простоты*» [Polizzi, 2000, p. 188], который вырос на почве родного языка с его «естественной риторикой, отвечающей природе французского ума». Иными словами, он – олицетворение этой риторики и этой национальной природы ума.

Именно поэтому главная особенность его речений в том, что в них опровергается и доводится до абсурда любая абстракция и условность. Голар понимает буквально формулы вежливости и фразеологизмы; его апофтегмы, то есть скорые и мудрые изречения, комически абсурдны и отличаются не только невежеством, но и нарушением любых причинно-следственных связей. При этом Табуро неустанно подчеркивает, что речения Голара ничем не уступают античным образцам, то приводя в подтверждение греческий дистих (с латинским и французским переводом [Tabourot, 1585, f. 84v^o], то упоминая Секста Тарквиния [Tabourot, 1585, f. 89v^o], то сравнивая своего дородного героя с императором Гальбой [Tabourot, 1585, f. 80r^o]. Идея равенства национальной словесности сочинениям древних, одушевлявшая создателей французских риторических трактатов XVI в., от Тома Себилле, Бартеlemi Ано и Ронсара до Лодена д'Эгалье, составителей «Французских библиотек» Антуана Дювердые и Лакруа дю Мэна и авторов бесчисленных предисловий, прологов и посвящений, подвергается в «Апофтегмах сеньора Голара» столь же последовательному осмеянию, как и классическая ученость.

В этом, по нашему мнению, и заключается смысл и место «Апофтегм» в сборнике Табуро и в современной ему французской словесности. Монтеневская естественность воплощается в фигуре не испорченного учением провинциала, хранящего свою «муд-

рость» в книжном шкафу. «Естественная» французская риторика, которой Табуро внешне следует в остальных главах, оказывается подорвана в своих основаниях и оборачивается фикцией. Недаром Голар живет под девизом, заимствованным из Бонавантюра Деперье, едва ли не самого «подрывного» французского литератора эпохи Ренессанса. *Bigarrures* – текст метапоэтический, с одной стороны, и субверсивный – с другой: он утверждает новые поэтические нормы и одновременно взрывает их изнутри.

Список литературы

1. *Монтень М.* Опыты. Кн. 1 / пер. А.С. Бобовича; отв. ред. С.Д. Сказкин, А.А. Смирнов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954. – 832 с.
2. *Стаф И.К.* Повествование и эмблема во Франции конца XVI в.: к семантике понятия *bigarrure* // Статьи о французской литературе. К 100-летию Л.Г. Андреева / отв. ред. О.Ю. Панова. – Москва: Литфакт, 2022. – С. 43–69.
3. *Basset B.* L'Apophtegme, polysémie d'un mot, polymorphisme d'un «genre» // *Littératures classiques*. – 2014. – N 2(84). – P. 5–15.
4. *Basset B., Bénévnt Chr.* Les *Apophtegmes* de Plutarque et la tradition des Miroirs du prince au XVIe siècle: l'exemple de *l'Institution du prince* de Guillaume Budé // *Littératures classiques*. – 2014. – N 2(84). – P. 63–96.
5. *Bowen B.C.* *Tabourot facetus*: le sieur Gaulard // Bowen B.C. *Humour and Humanism in the Renaissance*. – Aldershot: Ashgate, 2004. – P. 101–107.
6. *De Grève M.* *Tabourot rabelaisien et rabelaisant* // *Tabourot, seigneur des Accords, un Bourguignon poète de la fin de la Renaissance* / sous la dir. de F. Moureau, M. Simonin. – Paris: Klincksieck, 1990. – P. 77–83.
7. *Delaruelle L.* Guillaume Budé. Les origines, les débuts, les idées maîtresses. – Genève: Slatkine, 1970. – XL, 290 p.
8. *Delègue Y.* La digression, ou l'oralité dans l'écriture // *Logique et littérature à la Renaissance* / sous la dir. de M.-L. Demonet. – Paris: Champion, 1994. – P. 155–164.
9. *Estienne H.* *Thesaurus graecae linguae. Ab Henrico Stephano constructus ...* – [Paris]: Henr. Stephanus, 1572 (M. D. LXXII). – Vol. 1–7.
10. *Frazier F.* La tradition antique de l'apophtegme, ou à la recherche de l'apophtegme antique // *Littératures classiques*. – 2014. – N 2(84). – P. 17–47.
11. *Goyet F.* *Bigarrure et bigarrures, à propos des Bigarrures de Tabourot des Accords* // *Mélanges de littérature de la Renaissance à la mémoire de Verdun-L. Saulnier*. – Genève: Droz, 1984. – P. 567–579.
12. *Kiès N.* *Cum grano salis: l'apophtegme humoristique dans la seconde moitié du XVIe siècle* // *Littératures classiques*. – 2014. – Vol. 2. – P. 97–118.
13. *Kiès N.* *Retrouver la culture dans la nature: les bons mots involontaires dans la littérature facétieuse de la Renaissance* // *Seizième Siècle*. – 2011. – N 7. – P. 225–241.

*Метаморфозы апофтегмы в Bigarrures Этьена Табуро:
к проблеме жанра*

---

14. La Bibliotheque d'Antoine du Verdier, seigneur de Vauprivas ... – A Lyon, par Barthelemy Honorat, 1585 (M. D. LXXXV). – XXVIII, 1233, [4] p.
15. *La Garanderie M.-M.* Guillaume Budé prosateur français // Prose et prosateurs de la Renaissance. Mélanges offerts à Robert Aulotte. – Paris : SEDES, 1988. – P. 39–47.
16. Les Apophtegmes. Cest a dire promptz subtilz et sententieux ditz de plusieurs Royz, cheffz d'armee, philosophes et autres grans personnaiges tant Grecz que Latins. Translatez de latin en francoys, par l'esleu Macault notaire, secretaire, et vallet de la chambre du Roy. – Paris : [chez Charlotte Guillard], 1539. – [S. P.].
17. Les Bigarrures du Seigneur des Accordz. – Paris : chez Jehan Richer, 1583 (M. D. LXXXIII). – [1], [12], 219 f.
18. Les deux premiers livres des Apophthegmes, d'Erasmus. Colligez et tirez de plusieurs Auteurs tant Grecs que Latins : traduits par quatrains en rime Française par Gabriel Pot Parisien. Le tout au prouffit et utilité de la jeunesse Française et de tous amateurs de vertu. – Lyon : Benoist Rigaud, 1574. – 64 p.
19. *Lobbes L.* Des «Apophthegmes» à la «Polyanthée» : Érasme et le genre des dits mémorables. – Paris : H. Champion, 2013. – T. 1–3. – 2000 p.
20. *Lobbes L.* Les Apophthegmes d'Érasme : translations françaises et enjeux // Seizième Siècle. – 2005. – N 1. – P. 85–97.
21. *Mathieu-Castellani G.* Montaigne ou la vérité du mensonge. – Genève : Droz, 2000. – 158 p.
22. Montaigne et la rhétorique / sous la dir. de J. O'Brien, M. Quainton, J.J. Supple. – Paris : Classiques Garnier, 1995. – 248 p.
23. *Mounier P.* L'Esté, un livre «fagotté»? Expérimentations génériques chez Bénigne Poissenot // Contes et discours bigarrés / sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. – Paris : Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. – P. 31–49.
24. *Pasquier E.* Les lettres d'Estienne Pasquier Conseiller et Advocat general du Roy en la chambre des Comptes de Paris. – Paris : Abel l'Angelier, 1586 (M. D. LXXXVI). – [8], 330, [14] f.
25. *Polizzi G.* «Chercher cinq pieds en un mouton» : l'incongru comme critique de la représentation dans les *Apophthegmes du Sieur Gaulard* // Bulletin de l'Association d'étude sur l'Humanisme, la Réforme et la Renaissance. – 2000. – N 51/52. – P. 187–207.
26. *Polizzi G.* L'effet de la bigarrure : les *Contes et discours d'Eutrapel* comme danse macabre // Contes et discours bigarrés / sous la dir. de M.-C. Thomine-Bichard. – Paris : Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2011. – P. 69–87.
27. *Tabourot E.* Les Bigarrures / ed. par F. Goyet. – Genève : Droz, 1986. – T. 1. – X, 269 p. ; T. 2. – LXI, 237 p.
28. *Tabourot E.* Les Bigarrures de Seigneur des Accords, avec Les Apophthegmes du sieur Gaulard et Les Escraignes dijonnaises. Revus sur les éditions originales de 1583, 1584, 1585, 1586 et 1588, augmentés de notes de divers commentateurs et précédés de la vie de l'auteur, Estienne Tabourot, par Guillaume Colletet, publiée pour la première fois. – Bruxelles : A. Mertens et fils, 1866. – T. 1. – 366 p.

29. *Tabourot E.* Les Bigarrures du Seigneur Des Accords. Quatrième Livre avec Les Apophtegmes du Sr Gaulard / ed. collective par le Groupe Renaissance & Age classique (GRAC) de l'Université Lyon II, coordonnée par G.-A. Pérouse. – Paris : Honoré Champion, 2004. – LXXXVI, 293 p.
30. *Tabourot E.* Les Bigarrures du Seigneur des Accords. Quatriesme livre. – Paris : chez Jehan Richer, 1585. – 118, [1] f.
31. *Tabourot E.* Les Bigarrures du seigneur des Accords. Quatriesme livre. Avec les Apophtegmes du seigneur Gaulard, augmentees. – Lyon : les heritiers de Benoist Rigaud, 1599 (M. D. XCIX). – 166 f.
32. *Tabourot E.* Les Contes facecieux du sieur Gaulard gentil-homme de la Franche-Comté Bourguignotte // Les Bigarrures et Touches du seigneur des Accords ... – Paris : par Jean Richer, 1603. – P. 1–74, [489–561].
33. *Tory G.* Champ Fleury ou l'Art et science de la proportion des lettres / Précédé d'un avant-propos et suivi de Notes, Index et Glossaire par G. Cohen. Avec une nouvelle préface et une bibliographie par K. Reichenberger et T. Berchem. – Genève : Slatkine Reprints, 1973. – XX, [8], LXXX f., 63 p.
34. *Tournon A.* Montaigne. La glose et l'Essai. – Lyon : Presses universitaires de Lyon, 1983. – 424 p.
35. *Valverde Abril J.J.* Los Apophtegmata de *Conradus Lycostenes* o Las vicisitudes de la sabiduría humanística // *Nardus et myrto plexae coronae. Symmikta philologica ad amicos in iubilaëo obsequendos* / eds. J.J. Valverde Abril, P. Gatsioufa. – Granada : Ed. Universidad de Granada, 2018. – P. 419–469.